

ВВЕДЕНИЕ

Податная реформа Петра долгое время не привлекала внимания историков России. В работах исследователей второй половины XVIII—первой половины XIX в. содержались лишь отрывочные, краткие сведения о возникновении подушной системы налогообложения.¹ Не нашлось места податной реформе и в «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева. В 18-м томе, в главе «Внутренняя деятельность правительства в последние годы царствования Петра», автор ограничился лишь упоминанием о введении подушной подати, а также привел (ссылаясь на данные И. И. Голикова) сведения о числе душ мужского пола по I ревизии.²

Более подробно о податной реформе писал В. О. Ключевский в статье «Подушная подать и отмена холопства в России» (1885 г.), которая явилась по существу первым в нашей историографии очерком истории податной реформы Петра I. Несмотря на узость источниковой базы (автор не использовал архивные материалы), ценность исследования Ключевского неоспорима. В статье впервые была предпринята попытка рассмотреть социальное значение податной реформы, связать ее с характерными для России XVII—начала XVIII в. социальными процессами. Ключевский высказал глубокую мысль о том, что подушная подать не только оказала воздей-

¹ См., например: *Болтин И. Н.* Примечания на «Историю древняя и нынешняя России» г. Леклерка. Т. II. Б. М., 1788, с. 322—323; *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого. Изд. 2-е. Т. 13. М., 1840, с. 658—661, 681—683. — См. также работы статистиков: *Герман К.* Статистические исследования относительно Российской империи. Ч. I. О народонаселении. СПб., 1819, с. 8—9; *Руковский И. П.* Историко-статистические сведения о подушных податях. СПб., 1862, с. 1—7, и др.

² *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. IX, т. 18. М., 1963, с. 472—473; см. также с. 578—582.

ствие на «гражданские права» различных групп населения, «но и сама могла быть введена только благодаря издавна подготовлявшимся переменам в порядке гражданских отношений».³

Главная идея статьи Ключевского состоит в том, что податная реформа (в результате которой холопы были включены в оклад и навсегда попали в крепостную зависимость) юридически оформила завершение тех экономических и правовых перемен, которые претерпело холопство на протяжении своей тысячелетней истории. Не все трактовки последнего этапа истории холопства автором кажутся нам бесспорными, но сама постановка проблемы социального значения податной реформы придает особую историографическую ценность исследованию выдающегося русского ученого.

Податной реформе В. О. Ключевский посвятил и несколько страниц в своем курсе лекций по истории России. Однако здесь в отличие от упомянутой выше статьи он уделит внимание не социальной, а финансовой стороне реформы, причем дал петровскому преобразованию в целом негативную оценку. Вполне возможно, что подобная оценка реформы была обусловлена влиянием вышедшей в 1898 г. монографии П. Н. Милюкова.⁴

Влияние выводов и наблюдений Милюкова на Ключевского и многих других исследователей⁵ представляется закономерным. Книга П. Н. Милюкова была первым фундаментальным комплексным исследованием эпохи преобразований первой четверти XVIII в., основанным на огромном количестве источников, впервые введенных в научный оборот. Поэтому результаты изучения этих источников Милюковым не могли не оказать воздействия на развитие исторической науки.

Отдавая должное монографии Милюкова, не утратившей благодаря ее колоссальной источниковой базе научной ценности до сих пор, нельзя не отметить серьезных

---

³ Ключевский В. О. Подушная подать и отмена холопства в России. — Соч. Т. VII. М., 1959, с. 318.

⁴ Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1898. — Изд. 2-е, идентичное, вышло в С.-Петербурге в 1905 г. Далее цитируется по 2-му изд.

⁵ См., например: Князьков С. Очерки из истории Петра Великого и его времени. М., 1909, с. 268—310.

недостатков в подходе автора к предмету исследования. Методологическая несостоятельность милюковской концепции петровской эпохи реформ привела к утрате автором понимания внутреннего единства, целостности преобразований Петра, к отрыву их от контекста социально-экономической политики Петра. В итоге, как справедливо писал Н. Л. Рубинштейн, Милюков «расчленением целого на части и распылением фактов... создал то впечатление хаотичности и бесплановости реформы, которое он обобщил в своем заключении, отказав реформе в плане, а Петру в самой мысли о плане».⁶ Подробно рассматривая преобразования Петра и прежде всего состояние финансового хозяйства России, П. Н. Милюков пришел к выводу о том, что Петр возвел Россию в ранг европейской державы «ценою разорения страны».⁷ Подтверждение этой мысли автор нашел в многочисленных фактах, свидетельствующих об огромных расходах на военные нужды, об убыли населения в 1710 г. по сравнению с 1678 г., о росте налогов в петровскую эпоху и т. д. Этому в значительной степени посвящено и изложение истории податной реформы, в результате которой, по мнению автора, произошло резкое усиление тяжести налогообложения (на 260%), что в сочетании с другими факторами способствовало разорению народа.⁸

В целом, разделяя содержащуюся в советской историографии критику милюковской концепции петровских реформ и не соглашаясь с многими выводами Милюкова (о чем пойдет речь ниже), мы не можем не отметить, что в книге Милюкова впервые в литературе была четко поставлена одна из центральных проблем историографии петровских преобразований — проблема «цены реформы», величины тех материальных затрат, которые позволили России победить в Северной войне и стать державой европейского масштаба. Одновременно Милюков затронул и другой, весьма важный для истории России вопрос о сопоставлении тяжести старой подворной и новой подушной податей, а также вопрос о влиянии нового налога на бюджет государства и народное хозяйство в целом.

⁶ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941, с. 522—524; см. также: Шапиро А. Л. Русская историография в период империализма. Л., 1962, с. 18—32, и др.

⁷ Милюков П. Н. Государственное хозяйство..., с. 546.

⁸ Там же, с. 489.

Податной реформе Петра I уделено внимание и в вышедшей в 1902 г. монографии М. М. Богословского «Областная реформа Петра Великого». Общая концепция автора существенно отличается от концепции Милюкова и во многом противоречит ей. Богословский по-новому подошел к реформам Петра. Он сумел увидеть логику, сознательную цель и смысл тех реформ, которые Милюков ранее считал хаотичными, случайными и лишенными смысла. Богословский связал их с господствовавшими в то время концепциями и не без основания усмотрел в них реализацию популярных тогда идей «общего блага», достигаемого, по мысли философов и правоведов конца XVII—начала XVIII в., всеобъемлющим контролем за жизнью подданных со стороны «регулярного» абсолютистского государства. Однако, анализируя реформы Петра и прежде всего областную реформу, Богословский впал в другую крайность. Не усматривая социальных корней тогдашних идеологических концепций, он видел причины (равно как и источники ее неудачи) областной реформы в том, что многие преобразования Петра являлись лишь порождением его идеологических построений. Сами же построения у Богословского выступают как «фактор, никак не зависевший от политических и экономических интересов какого-либо класса русского общества». ⁹ Областные учреждения, созданные под влиянием чуждых русскому обществу идей, по мнению Богословского, «не заинтересовали какого-либо общественного класса, выгодам которого они бы служили», ¹⁰ и, столкнувшись с российскими реалиями, рассыпались в прах. Одной из таких реалий и была податная реформа, весьма способствовавшая разрушению областных учреждений. Таким образом, податная реформа рассматривается им в качестве фактора, способствовавшего неудаче областной реформы. Несмотря на указанную специфику исследования, пятая глава книги («Областная реформа и подушная подать») представляет для нас значительный интерес. Автор привлек большое количество архивных материалов, сделал много ценных наблюдений и обобщений, касающихся непосредственно

⁹ Шапиро А. Л. Русская историография..., с. 39.

¹⁰ Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого. Провинции. (1719—1727 гг.). М., 1902, с. 519.

податной реформы. Заслуживают внимания, в частности, выводы Богословского о целях и реализации податной реформы Петра. Он выделил ряд важнейших последствий реформы — не только финансовых (для бюджета) или податных (для народа), но и социальных, выразившихся, по его мнению, в привлечении ранее неподатных групп населения к налогообложению, что распространило на них «неволю, сделавшуюся неизбежно спутницей податного тягла».¹¹ Однако о влиянии реформы на социальный строй страны в книге сказано мало и бегло, ибо основное внимание автора приковано к другим последствиям реформы, а именно к влиянию ее на административную структуру России. Любопытны наблюдения Богословского над деятельностью канцелярий свидетельства, подробно освещена система военно-податного аппарата, возникшего в результате реформы, затронуты им также и другие аспекты податной реформы, о чем будет сказано ниже при их рассмотрении.

Конкретное историческое изучение податной реформы и ее этапов, начатое (хотя только в связи с областной реформой) М. М. Богословским, было продолжено в исследованиях М. В. Ключкова. В 1911 г. он опубликовал первый том монографии «Население при Петре Великом по переписям того времени». Том охватывает историю подворных переписей конца XVII—первой четверти XVIII в. Книга построена на привлечении большого количества архивных источников, которые, однако, не всегда хорошо прокомментированы, обработаны и введены автором в ткань исследования. Лишена книга и историографического раздела, хотя автор пересматривает ряд выводов предшествующих исследователей и прежде всего П. Н. Милюкова. Особенно ценным представляется наблюдение М. В. Ключкова над результатами переписи 1710 г. Подробно рассматривая причины 20-процентной убыли дворов, выявившейся в результате переписи 1710 г. (по сравнению с результатами переписи 1678 г.), автор приходит к выводу о том, что убыль эта реально была «никак не больше 10%». «Весьма возможно даже,— продолжает он,— что количество населения к 1710 г. сравнительно с 1678 годом не уменьшилось. „Пустота“ же в 20% и выше была явлением местным, а

¹¹ Там же, с. 326.

иногда и фиктивным».¹² Этот весьма осторожный вывод, опровергающий утверждение Милюкова о безусловной убыли населения в годы войны, был впоследствии подтвержден и развит в исследованиях советских историков и прежде всего Я. Е. Водарского.

Книга Ключкова завершается обзором проектов податной реформы, речь о которой должна была пойти во втором томе. Однако замысел автора не осуществился. Ему удалось опубликовать лишь отрывок из второго тома в виде статьи под названием «Очерк подушной переписи при Петре Великом».¹³ Во вводной части статьи он, продолжая удачно начатую в упомянутой выше монографии полемику с Милюковым, указывает на ошибочность утверждения последнего, что увеличение населения, зафиксированное подушной переписью, по сравнению с 1678 и 1710 гг., было достигнуто главным образом «более точным ведением регистрации» населения, и пишет, «что более точная и строгая регистрация, произведенная во время подушной переписи, содействовала увеличению итогов занесенных в сказки душ, это несомненно, но увеличение должно быть отнесено и на счет возрастания населения».¹⁴ Это в целом верное наблюдение автора не подтверждается в тексте статьи выводами на основе изучения материалов подворной и подушной переписей. Найдя весьма ценный источник — Табель 1721 г., — где данные переписи 1678 г. сопоставляются с данными подушной переписи, автор излишне доверчиво подошел к нему, не проверил его итогов и — самое важное — не проанализировал, не сопоставил их с другими итоговыми данными источников как по переписи 1678 г., так и по подушной переписи. Касаясь содержания статьи, нужно также отметить, что автор, ставя цель «дать чисто фактический очерк подушной переписи за годы с 1718 по 1721»¹⁵ и опираясь в сущности лишь на один источник — сенатскую «книгу» материалов Канцелярии В. Н. Зотова, подробно рассматривает преимущественно дея-

---

¹² Ключков М. В. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Том первый. Переписи дворов и населения (1678—1721). СПб., 1911, с. 256.

¹³ Ключков М. В. Очерк подушной переписи при Петре Великом. — ЖМНП, 1915, январь, ч. 55, с. 110—150.

¹⁴ Там же, с. 113.

¹⁵ Там же, с. 114.

тельность Канцелярии, переписку ее с Сенатом, а также Сената с местными органами власти. Узость задачи, которую поставил перед собой Ключков, приводит к тому, что он останавливается только на начальном этапе податной реформы — на переписи населения (1719—1721 гг.) — и не касается свидетельства, т. е. проверки ее результатов (1722—1728 гг.). Поэтому по статье Ключкова трудно составить представление не только о податной реформе и ее этапах, но и непосредственно о предмете исследования автора — переписи, так как обойтись без результатов свидетельства при анализе подушной переписи практически невозможно, а делать какие-либо выводы рискованно.

В советской историографии податной реформе уделялось недостаточно внимания. Как правило, она рассматривалась в общих работах по истории СССР лишь в связи с другими финансовыми преобразованиями петровской эпохи, а также тогда, когда заходила речь о государственных повинностях крестьян. Особенностью этих обобщающих трудов, затрагивающих петровские реформы (в том числе податную), было не только плодотворное усвоение фактов и ценных наблюдений дореволюционной историографии, но и переосмысление материала, добытого наукой предшествующей поры с точки зрения марксистско-ленинской методологии.¹⁶

Разумеется, историки, работавшие над темами, связанными с историей петровских реформ, не обходили податную реформу молчанием. На ней останавливался (в связи с анализом материалов фонда «Ландратских книг и ревизских сказок» ЦГАДА) в своей содержательной статье М. Я. Волков.¹⁷ Историки финансов и народонаселения

---

¹⁶ См., например: История СССР. Т. I. С древнейших времен до 1861 г. М., 1964, с. 423—425; Кафенгауз Б. Б. Россия при Петре Первом. М., 1956, с. 45; Очерки истории СССР. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954, с. 389—393 (автор раздела — Б. Б. Кафенгауз); Очерки истории СССР. Под ред. Б. Б. Кафенгауза. М., 1962, с. 37; История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. III. М., 1967, с. 215—216 (автор раздела — Н. И. Павленко); История СССР с древнейших времен до конца XVIII века. Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1975, с. 337—338 (автор раздела — М. Т. Белявский).

¹⁷ Волков М. Я. Материалы первой ревизии как источник по истории торговли и промышленности России первой четверти XVIII в. — ПИ, 1963, т. XI, с. 266—306. — На материалах этого

России XVIII в. также уделяли внимание реформе. Введение подушной подати было той исходной точкой, от которой отталкивался, начиная свои исследования о финансах второй четверти XVIII в., С. М. Троицкий. В своих работах он стремился показать, как введение подушной подати оказало влияние на бюджет, развитие финансовой мысли, социально-экономическое положение и классовую борьбу народных масс.¹⁸ В статье «Подушная подать и крестьянский вопрос в России в первой четверти XVIII в.» автор подчеркивал замалчиваемые дореволюционной историографией факты повсеместной утайки душ и побегов, что привело к задержке окончания податной реформы и объяснялось массовым протестом крестьян против введения новой тяжелой подати, жестких принципов фискальной политики самодержавия. Автор подробно анализирует и обсуждение податного вопроса после смерти Петра I, считая, что некоторое ослабление фискального гнета, допущенное послепетровским правительством, было обусловлено не только массовыми протестами крестьян, но и «недовольством основной части господствующего класса феодалов ростом государственных налогов и повинностей с крестьян».¹⁹

На податной реформе, точнее на I ревизии народонаселения, остановился и В. М. Кабузан в монографии «Народонаселение России в XVIII—первой половине XIX в.». Давая общую характеристику I ревизии преимущественно на основе ПСЗ, автор акцентирует свое внимание прежде всего на проблемах учета народонаселения во время переписи и свидетельства, отмечая при этом важнейшие недостатки первого в истории России опыта подуш-

---

фонда автором написана статья: Города Тверской провинции в первой четверти XVIII в. — В кн.: Историческая география России XII—начала XX в. М., 1978, с. 143—163.

¹⁸ Троицкий С. М. 1) Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966; 2) Источники доходов в бюджете России в середине XVIII в. — История СССР, 1957, № 3; 3) Дворянские проекты укрепления государственных финансов в середине XVIII в. — ВИ, 1958, № 2; 4) О влиянии фискальной системы на положение крестьян России в XVII—XVIII вв. — ЕАИВЕ за 1963 г. Вильнюс, 1965, и др. — Исчерпывающие данные о работах С. М. Троицкого см.: ИЗ, 1977, т. 98, с. 360—366.

¹⁹ Троицкий С. М. Подушная подать и крестьянский вопрос в России в первой четверти XVIII в. — ЕАИВЕ за 1964 г. Кишинев, 1966, с. 423.

пой переписи населения.²⁰ Несомненную ценность для нашей работы представляют и исследования Я. Е. Водарского, анализирующего численность, сословно-классовый состав и размещение населения России в конце XVII—начале XVIII в.²¹ Его наблюдения относительно динамики населения в указанный период позволяют с большей уверенностью судить о статистических итогах реформы, дают возможность внести необходимые коррективы в выводы об этом дореволюционных историков. В этом смысле представляет интерес исследование С. Г. Струмилина, в котором он полемизирует с П. Н. Милюковым, резко возражая против его тезиса о разорении страны вследствие петровских реформ.²² Многие из наблюдений Струмилина (например, об утроении доходов казны с 1680 по 1724 г., о критериях измерения податного гнета и др.) заслуживают внимания. Однако в полемике Струмилин преувеличил влияние бурно развивающейся в петровский период экономики на доходы государства. Справедливо выделяя недостатки исследования Милюкова, он почти ничего не сказал о крайне жестких принципах фискальной политики Петра, направленной на усиление податного давления, а также о непрерывном росте различных налогов и повинностей в годы Северной войны. Не оценил по достоинству Струмилин и того факта, что половину доходов казны в первой четверти XVIII в. давали прямые налоги с населения, не говоря уже о косвенных налогах, взимавшихся в конечном счете с тех же плательщиков. Не совсем правильными представляются нам и оценки Струмилиным самой податной реформы. Не очень убедительны его выводы о том, что реформа «оказалась достаточно эффективной... и в интересах большинства плательщиков» и что включение дворовых в оклад «облегчало налоговое бремя остальных крестьян». Одновременно феодалы под-

---

²⁰ Кабузан В. М. 1) Народонаселение России в XVIII—первой половине XIX в. М., 1963, с. 50—59; 2) Изменения в размещении населения России в XVIII—первой половине XIX в. М., 1971.

²¹ Водарский Я. Е. Население России в конце XVII—начале XVIII в. М., 1977. — Список его трудов по данной проблематике см. в автореферате докторской диссертации автора «Население России в конце XVII—начале XVIII в. (М., 1975).

²² Струмилин С. Г. 1) Очерки экономической истории России СССР. (М., 1960, с. 318—326; 2) К вопросу об экономике петровской эпохи. — В кн.: Полтава. М., 1959, с. 179—189.

вергались как бы штрафу «за вредное для народного хозяйства умножение непроизводительной их дворни».²³ Нужно также отметить, что, анализируя взгляды Милюкова, Струмилин ограничился лишь материалами книги Милюкова, что существенно сузило возможности конструктивной критики выводов названного автора.

Исследование Струмилина, как и другие работы советских историков, затрагивает лишь отдельные вопросы истории податной реформы. Попытка обобщающего исследования реформы была впервые предпринята в 1948 г. М. В. Клочковым в статье «Ревизская душа как окладная единица при Петре I». В этой работе автор уделил основное внимание развитию идеи подушного обложения и реализации ее на практике. В последовательной смене единиц обложения он справедливо усмотрел поиск правительством «наиболее удобной для него и осязаемой, проще всего «уловимой» окладной единицы, которая имела бы в виду не простое счетное, а хозяйственное значение».²⁴ Далее Клочков высказал весьма остроумную (и в целом подтверждаемую фактами) догадку о том, что первоначально идея подушного обложения предусматривала обложение податью только трудоспособного мужского населения, являющегося реальным производителем материальных ценностей. Однако проведение подушной переписи, сопровождавшееся массовой утайкой душ и сопротивлением населения, сделало нереальными планы правительства, которое во избежание дальнейших подлогов было вынуждено распространить перепись на все без исключения мужское население, не считаясь с реальным благосостоянием тяглецов. Так «душа мужского пола» превратилась в условную счетную единицу обложения.²⁵

Оценивая в целом дореволюционную и советскую литературу по теме, нужно сказать, что в изучении податной реформы достигнуто немало. В исследованиях революционных и советских историков были сделаны важные наблюдения по истории самой реформы, выделены ее основные этапы, рассмотрены ее статистические результаты. Изучение данной темы не ограничивалось выявлением

²³ Струмилин С. Г. Очерки..., с. 323.

²⁴ Клочков М. В. Ревизская душа как окладная единица при Петре I. — Учен. зап. Ростовского-на-Дону финансово-экономического ин-та, 1948, т. II, с. 129.

²⁵ Там же, с. 146.

конкретных событий и фактов податной реформы. Уже в дореволюционной историографии был поставлен ряд узловых проблем податной реформы, в том числе проблемы «цены реформы», тяжести нового подушного налога, социального значения петровского преобразования и т. д.

Вместе с тем податная реформа изучалась преимущественно в связи с исследованием различных аспектов социально-экономической и политической жизни России первой четверти XVIII в. Податной реформы касались авторы, рассматривавшие социальную структуру России, отдельные сословия и классы, а также исследователи истории финансов, центрального и местного аппаратов, учета народонаселения, внутренней (и прежде всего фискальной) политики. Однако не каждый из этих авторов выделял податную реформу как особое, весьма сложное и многогранное социально-политическое явление и никто (за исключением разве М. В. Ключкова) не посвятил этому важному преобразованию петровской эпохи специальное, самостоятельное исследование.

Необходимость же в таком исследовании очевидна. Она обусловлена тем, что податная реформа явилась одним из важнейших преобразований петровской эпохи наряду с реформами государственного аппарата, вооруженных сил, церкви, культуры. Система подушного налогообложения, созданная при Петре I, более чем на полтора века пережила своего создателя, а институт подушной подати стал одним из самых существенных и характернейших особенностей внутреннего устройства самодержавной, крепостнической России XVII—XIX вв. Податная реформа имела в истории России огромное как фискальное, так и особенно социальное значение. После Уложения 1649 г. она была следующим важным этапом в развитии крепостного права. На это обратил внимание Карл Маркс, писавший, что в результате петровских мероприятий русские крестьяне были окончательно превращены в личную собственность помещика, который «получал право продавать их в одиночку или гуртом, с землей или без земли, и ввиду этого стал лично ответственным перед правительством за крестьян и за их подати».²⁶

Все вышесказанное обуславливает актуальность и научную целесообразность монографического исследова-

²⁶ Маркс К. Об освобождении крестьян в России. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 692.

ния податной реформы. В раскрытии этой темы автор не может ограничиться рассмотрением лишь этапов реформы, ее фактографией. Неизбежно перед ним встают вопросы, решение которых не всегда бывает однозначным. Можно выделить несколько таких вопросов.

Во-первых, необходимо рассмотреть состояние налоговой системы времен Северной войны, особенности подворного обложения накануне реформы с тем, чтобы понять причины, приведшие к замене подворной подати подушной. Во-вторых, нужно проанализировать не только разработку идей податной реформы, но и реализацию этих идей на практике, не ограничиваясь только рассмотрением законодательного материала, а привлекая для исследования источники, свидетельствующие о претворении законодательства в жизнь. В-третьих, следует обратить внимание на то, что податная реформа имела ярко выраженную социальную окраску и оказала огромное влияние на социальную структуру русского общества. Это положение, высказанное в исследованиях В. О. Ключевского и М. М. Богословского, нуждается в существенном уточнении и развитии на основе современной методологии и достижений современной исторической науки, а также на основе привлечения более широкого круга источников. Кроме того, недостаточно изучен и вопрос о полицейской функции реформы, о той военно-полицейской системе, которая возникла в результате реформы и позволяла использовать армию не только для сбора налогов, но и для контроля за населением, предотвращения побегов и других проявлений классовой борьбы. В-четвертых, анализ истории податной реформы позволит ближе подойти к решению вопроса о значении введения подушной подати для государственного и народного хозяйства, а также вопроса о том, привела ли реформа к усилению податного гнета или этого не произошло. Тогда можно будет с большей долей уверенности судить как о «цене» петровских реформ для народа, так и об общем значении их в истории России.

Решение всех этих задач предполагает изучение широкого круга различных источников, на отсутствие или недостаток которых автор не может посоветовать. Наоборот, перед ним стояла весьма сложная задача отбора необходимого материала из сотен и тысяч документов, отложившихся в архивах и лишь отчасти опубликованных.

Архивные материалы, хранящиеся в фондах ЦГАДА, ЦГВИА, а также в Архиве ЛОИИ СССР, дают нам основной комплекс информации о податной реформе, ее этапах и особенностях. Все основные разделы работы в целом обеспечены многочисленными архивными источниками, нередко вводимыми в научный оборот впервые.

Состояние налоговой системы до реформы, т. е. в годы Северной войны, достаточно полно характеризуют материалы сенатского архива (ЦГАДА, ф. 248). Как известно, доклады и решения Сената за 1711—1716 гг. были опубликованы в сборниках «Докладов и приговоров правительствующего Сената» (т. 1—6. СПб., 1880—1901). Хранящиеся в ЦГАДА материалы ф. 248 (Сенат и его канцелярия) существенно дополняют публикацию и позволяют на основе переписки Сената с местными учреждениями прийти к определенным выводам о номенклатуре, объеме, порядке сбора подворных налогов, а также принципах организации всей подворной системы, ее важнейших недостатках. С целью уяснения этих аспектов темы автор привлекал материалы ф. 273 (Камер-коллегия), разрядов XVI (Внутреннее управление) и XIX (Финансы), в которых отложились документы о налогах и налогообложении периода Северной войны.

Ценность другого фонда ЦГАДА — ф. 9 (Кабинет Петра I) — состоит в том, что среди разнообразных документов Кабинета мы встречаем проекты податной реформы, принадлежащие различным авторам, а также многочисленные записки Петра, относящиеся к разработке реформы.²⁷ Анализ этих документов позволяет проследить, как сложилась и оформилась идея введения подушной системы обложения.

Проведению податной реформы посвящена львиная доля архивного материала по теме. Петр принимал самое активное участие в разработке основных законодательных актов реформы и осуществлял руководство проведением преобразований в жизнь. Его деятельность в этом направлении отражают не только материалы фонда Кабинета ЦГАДА, но и другие неопубликованные источники.

Наиболее полно автографы Петра изданы в сборниках «Письма и бумаги Петра Великого». Несколько лет

²⁷ Заметки Петра частично опубликованы в сб. РИО (т. 11), а также в сб. «Бумаги императора Петра Великого» (СПб., 1873).

назад вышел в свет 12-й том издания, охватывающий документы лишь по 1712 г. Поэтому для нашего исследования мы сочли возможным привлечь материалы Комиссии для издания писем и бумаг Петра Великого, хранящиеся в Архиве ЛОИИ СССР (ф. 270) и представляющие собой подготовленные к изданию акад. А. Ф. Бычковым и другими копии писем и бумаг Петра за весь период его царствования.

Привлечен нами также сборник документов, подготовленный в 1942 г. к изданию Н. А. Воскресенским в виде второго тома «Законодательных актов Петра I». Он содержит значительный и разнообразный материал по истории податной реформы, причем ценность этой, к сожалению, неизданной публикации в том, что она содержит многочисленные варианты важнейших актов реформы, а это позволяет рассмотреть разработку их Петром и его окружением.

Однако наиболее полно и всесторонне правительственные мероприятия по осуществлению податной реформы отражены в упомянутом выше ф. 248 ЦГАДА. Этот фонд содержит весьма обширный круг интересующих нас источников по теме, включенных в «книги»-сборники документов канцелярии Сената. Можно выделить несколько типов книг. Во-первых, это книги, целиком составленные из документов, касающихся проведения реформы. И хотя таких книг немного, ценность их для нашего исследования чрезвычайно велика. Во-вторых, это книги канцелярии Сената по ведомству центральных учреждений и губерний, включающие материалы реформы наряду с другими ведомственными материалами. Для работы привлекались книги по Военной, Адмиралтейской, Камер-коллегии и некоторым другим коллегиям, Главному магистрату, Синоду, а также по большинству губерний. Третьим типом книг являются переплетенные журналы заседаний Сената, на которых обсуждались, нередко в присутствии Петра, различные проблемы податной реформы, выносились решения, зафиксированные в протоколах Сената, которые в свою очередь вошли в четвертый вид книг, привлеченных для нашей темы.

Мы можем выделить три основных вида документов, содержащих информацию о податной реформе: 1) доклады нижестоящих учреждений Сенату или царю; 2) справки, наведенные по докладом в канцелярии Се-

ната или по особому запросу в других учреждениях; 3) указы — резолюции на доклады. Используемые в нашей работе книги первых двух типов формировались преимущественно из «дел», содержащих все три перечисленные разновидности документов.

Среди делопроизводственных бумаг Сената особое внимание привлекает переписка официальных лиц, уполномоченных проводить реформу на местах, с Сенатом, которому они непосредственно подчинялись. Для изучения начального этапа реформы представляет интерес переписка с В. Н. Зотовым, возглавлявшим Канцелярию переписных дел, которая сосредоточивала материалы переписи, а для более позднего периода — переписка Сената и Петра с ревизорами, разосланными по губерниям для проведения свидетельства душ мужского пола (далее — душ м. п.).

Ниже будет отмечено, что, отправляя ревизоров, правительство не смогло снабдить их исчерпывающими инструкциями о том, как поступить при свидетельстве. Сталкиваясь с неясными ситуациями, ревизоры запрашивали Сенат, который в случае отсутствия подходящего к ситуации указа обращался к царю. Вся эта переписка, тянувшаяся месяцами, замедляла реформу, но для исследователя подробнейшие доношения и рапорты губернских ревизоров (основанные на соответствующих докладах их подчиненных и челобитных населения), обширные справочные выписки из законодательства, сделанные в канцелярии Сената и, наконец, протоколы-ответы Сената (сохранившиеся нередко как в черновом, так и в беловом варианте) представляют огромную ценность. Эта переписка позволяет судить как о проблемах реформы, так и о поиске средств их решения петровским правительством. Интересны также и сенатские «экстракты», обобщавшие доношения ревизоров, что позволяет восполнить пробелы, вызванные утратой отдельных доношений ревизоров. Следует отметить, что доношения, рапорты и другие документы, присланные с мест в Сенат, равно как и выписки, сделанные в его канцелярии, содержат большое количество цифрового материала в виде ведомостей, таблиц, выписок, реестров, росписей о числе душ м. п., величине налогов и т. д.

Кроме переписки Сената с ревизорами, вопросы податной реформы затрагивались и в переписке Сената с

коллегиями (прежде всего с Военной и Камер-коллегией), губернской администрацией, приславшей в ответ на запросы Сената доношения и «ведения» о состоянии податных дел.

Одним из фондов ЦГАДА, содержащих большое количество документов податной реформы, является ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Он сформировался на основе тех материалов переписи и свидетельства, которые были сданы в Камер-коллегию ревизорами после окончания свидетельства в 1727—1728 гг., а также присланы из местных учреждений. Коллекция привлекает внимание исследователей обилием материалов по проблемам народонаселения, социально-экономического положения различных классов русского общества, организации крестьянского и помещичьего хозяйства, развития торговли и промышленности, а также по другим вопросам истории, экономики, географии, языка.²⁸ Однако для рассмотрения вопросов податной реформы коллекция практически не использовалась, хотя она содержит значительное количество источников по всем основным проблемам реформы и, что особенно примечательно, позволяет рассмотреть, как правительственные указы осуществлялись на практике, какие трудности возникали перед людьми, проводившими свидетельство, как реагировали широкие слои населения на податную реформу Петра.

Для изучения податной реформы наиболее важными нам представляются дела не по 1-й и 2-й описям (хотя и

---

²⁸ Подробнее см.: *Подъяпольская Е. П.* Ревизские сказки как исторический источник в XVIII—XIX вв. — В кн.: Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952, с. 311—321; *Кабузан В. М.* Материалы ревизии как источник по истории населения России в XVIII—первой половине XIX в. (1718—1858 гг.). — История СССР, 1959, № 5; *Власова И. В.* Материалы переписей населения XVIII—первой четверти XIX в. как источник для изучения сельского населения. — В кн.: Материалы по истории Европейского Севера. Северный археографический сборник. Вып. 1. Вологда, 1970, с. 110. — См. и другие статьи этого сборника. — *Черкасова А. С.* Ревизские сказки как источники по истории формирования горнозаводского населения. — В кн.: Уральский археографический ежегодник за 1970 г. Пермь, 1971, с. 71—87; *Волков М. Я.* 1) Материалы первой ревизии. . . ; 2) Письмо Н. Я. Сенявина сельскому старосте. — В кн.: Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966, с. 291—293; *Шагапова О. М.* Термины родства в ревизских сказках. — Русская речь, 1979, № 2, с. 89—94; см. также: *Голикова Н. Б.* Наемный труд в городах Поволжья в первой четверти XVIII века. М., 1965, и др.

они использовались в работе), содержащие материалы переписи (главным образом сказки), а по 3-й описи, они включают делопроизводственные материалы канцелярий свидетельства душ м. п.²⁹ Эти дела содержат обширнейшую переписку канцелярий, в состав которой входят: 1) присылаемые из центра указы и ответы на них губернских канцелярий; 2) запросы губернских канцелярий и ответы Сената; 3) промемории-запросы канцелярий одних губерний и провинций в другие и промемории-ответы на них; 4) письма-указы губернских ревизоров своим подчиненным, проводящим свидетельство на местах; 5) отчеты (и запросы) последних своим начальникам. Это также материалы о проведении свидетельства и частичных переписей (сказки, перечневые выписки, сводные таблицы, дела о разборе служилых, об исключении и записи в оклад, доношения и реестры, обобщающие проведение свидетельства, и др.). Особняком стоят материалы следствий, проводившихся в канцеляриях (о прописных и утаенных, беглых, умерших и вообще о прибывших и убывших из сказок и оклада), они включают в себя доносы, допросы, справки, постановления и т. д. Наконец, следует упомянуть о материалах, связанных с завершением свидетельства и началом функционирования нового податного аппарата (дела о переводах крестьян, выдаче справок по сказкам, об оформлении крепостей, выдаче паспортов, перечневые выписки и таблицы о численности тяглого и нетяглого населения и т. д.).

Кроме документов ф. 350, нами использованы документы ЦГАДА, хранящиеся в ф. 905 (Переписные канцелярии I и II ревизий 1722—1750 гг.). Здесь содержатся отрывочные материалы о проведении свидетельства, отложившиеся впоследствии в фондах местных учреждений и существенно дополняющие данные, извлеченные из дел ф. 350.

Из публикаций источников по теме, кроме упомянутых выше, необходимо отметить ПСЗ, остающееся до сих пор единственным наиболее полным собранием законодательных актов податной реформы. Учитывая недо-

---

²⁹ Опись так и озаглавлена: «Канцелярия генерал-ревизора В. Н. Зотова, провинциальные и губернские переписные канцелярии (1719—1727 гг.)».

статки этого издания, отмеченные в литературе,³⁰ мы по возможности цитируем указы по хранящимся в архивах протоколам Сената, а также по печатным экземплярам, предназначенным для обнародования, отмечая при этом в обязательном порядке выходные данные цитируемого указа по ПСЗ.

В целом обилие источников, преимущественно не опубликованных, позволяет нам рассмотреть важнейшие аспекты избранной темы.

При работе над монографией автору помогли ценные советы, полезные замечания и конструктивная критика его коллег по сектору истории феодализма Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР — Н. Е. Носова, В. М. Панеяха, К. Н. Сербиной, А. И. Копанева, Л. С. Прокофьевой, Б. Н. Миронова, А. Г. Манькова, Ю. Н. Беспятых и др. Автор благодарен также прочитавшим рукопись и сделавшим по ее тексту замечания В. А. Артамонову и В. Е. Возгину и официальным рецензентам Н. И. Павленко и Л. Н. Семеновой. Неоценимой для автора была помощь и советы архивных работников Ф. А. Миньковой, Н. М. Васильевой, В. И. Ивановой, а также К. Петерсона и М. Я. Волкова. Подготовке рукописи к печати содействовали А. Ф. Аткарская, И. И. Крупская и С. Н. Искюль.

Всем им автор выражает свою искреннюю признательность.

---

³⁰ См., например: *Кочаков Б. М.* Законодательные материалы как источник. — Архивное дело, 1940, № 3, с. 13—31.